

СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ С СОВЕТСКОЙ

Анна Шеза

Введение. Под „советской сказкой” имеется в виду тот особый фольклорный жанр, который распространился в Советском Союзе в 20-ых годах и рассказал под видом сказки о великих революционных переменах 1917-ого года и последующей действительности.

Вписываясь в цикл революционных рабочих песен, которые пели и до Октябрьской революции, частушек о гражданской войне, повестей и биографических рассказов о вождях революции, советская сказка отличалась восторженным прославлением новой действительности.

Но хотя, с одной стороны, пропагандистское влияние на возникновение и распространение этого особого фольклорного жанра неоспоримо, с другой, нам не следует недооценивать его значения с поэтологической точки зрения. По этому поводу надо заметить, что советская сказка не создала совершенно новых литературных типов, выражающих иное воззрение на время и историю, а, наоборот, включилась в традицию мотивов, схем и сюжетов, типичных для русской народной сказки и, следовательно, сделала упор на предшествующую культуру.

Структурно-типологическое изучение этого вида текста позволяет обнаружить, на каких методах и приёмах была основана мифизация действительности и советского героя, и подчеркнуть аналогию и различия между традиционной и советской поэтикой на разных уровнях (синтагматическом, семантическом, повествовательном, типологическом и персонажном) и в разных жанрах советской сказки (волшебном, реалистическом и аллегорическом).

Синтагматический уровень. Заметно, что, хотя советская сказка короче, чем русская народная сказка, она состоит из довольно большого числа действий, пересекающих друг друга, и это создаёт чувство отрывочности и непоследовательности изложения. К тому же многие из этих действий являются историческими и биографическими, а также от-

клонениями от сказочного сюжета. Чтобы увязать нити, оказавшиеся несвязанными из-за существования разных действий и разных прозаических жанров в одной и той же повествовательной ткани, вводятся элементы соединения и выяснения причины действий, которые очень часто отражают движущую силу пропаганды. Например, причина войны (то есть нанесение ущерба) объясняется таким образом: „Войны устраивали князья и баи, чтобы больше захватить денег, и заставили крестьян, подчинённых им, идти на убийство и на смерть” (*Ленин сделал людей счастливыми*, 51). Такое явление чуждо народной сказке, в которой каждая функция морфологически мотивирована предшествующей ей. К тому же в советской сказке эти элементы не имеют фольклорных особенностей, а служат только для передачи целей и причин действий и намерений героя. Дело в том, что, если в русской народной сказке действительность тесно связана с прошлым, то в советской сказке, осуществившей резкий разрыв с прошлым, действительность приобретает значение только в свете настоящего и будущего.

Это течение мотивировано также попыткой идеологизировать сказку, чтобы она соответствовала данному мировоззрению. В этом типе текста существует два противоположных процесса: процесс поэтизации и процесс историзации. С одной стороны, чтобы поэтизировать историю¹, чисто сказочные сюжеты традиционного фольклора прикрепляются к историческим именам и событиям. С другой стороны, фольклорные сюжеты, смешиваясь с данной исторической действительностью, теряют свой волшебный характер, но не приобретают той точности и правдивости, которые обычно характерны для исторического рассказа.² Таким образом, советская сказка постоянно раздваивается между историей и выдумкой, ей не удаётся преодолеть основного

1 Уместно здесь упомянуть мотив волшебного кольца, которое тётя подарила Чапаеву и которое помогло ему преодолеть разные трудности в сказке *Смерть Чапаева*, или мотив защиты героя природой в сказке *Человек-Солнце*.

2 Например, в сказке *О славном садовнике, скромном Салмане и коварном Яммае* историческое развитие, которое привело от революционного периода к сталинскому правлению, передаётся в фольклорно-аллегорическом виде.

противоречия и оказаться успешной ни с точки зрения истории, ни с точки зрения фантазии.

На синтагматическом уровне советская сказка характеризуется резкой стандартизацией сюжетов и персонажей. Ей не присуще широкое многообразие ситуаций и персонажей, которым отличается традиционный народный фольклор. Очень часто советская сказка состоит из стандартизированного повторения одинаковых мотивов, что заметно на всех уровнях текста.

Типичной структуре народной волшебной сказки, разработанной Проппом (Пропп 1928), советская сказка противопоставляет гораздо более узкую структуру, для которой характерны следующие основные функции: нанесение ущерба или его вариант – нужда, отсылка героя, его решение действовать и его отъезд, встреча с покровителем, подвержение героя испытанию и преодоление его, перенесение героя в чужой мир, борьба и победа, (или, реже, её вариант, т.е. трудная задача и её решение), устранение исходного ущерба, возвращение героя, его преследование и спасение, и наконец, триумф.³

Функциями, которые больше всех отличаются от типологии народной сказки, являются следующие: встреча с покровителем, подвержение испытанию и преодоление его героем, борьба и победа, окончательный триумф. Своеобразие первого ряда функций в структуре советской сказки состоит в том, что после преодоления испытаний герой не получает должной и обещанной награды, а, наоборот, его наказывают и бьют. Эта особенность объясняется смешением синтагматического уровня с уровнем семантическим и персонажным. Таким образом, становится ясно, что сказители

3 Некоторые из вышеупомянутых функций тождественны мотивам сказки, другие отличаются от них. Например, основной функцией ущерба, которая является исходной точкой действия сказки, очень часто в советской сказке оказывается нехватка средств к существованию, свободы, мира или какого-то редкого предмета, который обычно является символическим или аллегорическим элементом, как алый цветок (*Красные орлята*), золотой ключ (*Ключ счастья*), солнце (*Сказка о солнце*). Ещё раз уместно упомянуть, что советская сказка непрерывно раздваивается между требованием рационализации сказочного повествования, чтобы сделать его похожим на предреволюционную действительность, и стремлением истолковать сказку как аллегория.

хотели подчеркнуть несправедливость и злоупотребления, жертвой которых пали крестьяне, рабочие, пастухи и весь народ (исполняющие функцию героя). Их усилия и просьбы (то есть испытания, которые герою надо преодолеть) никогда не были вознаграждены помещиком (исполняющим функцию ложного покровителя). И если покровитель оказывается ложным, бедняку ничего другого не остаётся, как поддерживать себя самому. Например, в сказке *Как рабочий и мужик правду искали* крестьянин и рабочий ищут счастья у помещика, потом у кулака и, наконец, у самого царя, но они не только не находят счастья, но их же бьют и эксплуатируют. Только когда они осознают своё положение, они смогут найти правду собственными силами.

Несомненно, основным рядом функций советской сказки является триумф героя над его врагом. В то время как в народной сказке этот ряд функций очень разнообразен и может осуществляться в виде битвы под открытым небом, победы в результате смекалки, партии в карты и т.д., в советской сказке образы схваток очень стандартизированы. Почти всегда борьба увенчивается победой физической силы и очень редко – смекалки, и к тому же во многих случаях борьба изображена метафорически или откровенно революционно (*Ключ счастья; Семь братьев; Два героя богатыря*). Что касается трудной задачи, которую герой должен преодолеть, то надо заметить, что этот мотив, очень распространённый в народной сказке, гораздо реже встречается в советской сказке, где трудности обычно заключаются в распространении ленинской правды (*Как рабочий и мужик правду искали*), в преодолении неблагоприятных природных стихий (*Красные орлята*), в поднятии тяжестей и в решении загадок (*Ленин сделал людей счастливыми*).

Более типичной для советской сказки является функция несостоявшегося спасения героя и/или его смерти. Если в народной сказке герой всегда торжествует и в конце концов увенчивает своё желание и женится, в советской – его очень часто преследуют и он умирает. Мотив смерти героя является совершенно чуждым для традиционного фольклора, а в советском он мотивирован смешением жанра сказки с жанром исторического рассказа. В самом деле, такие герои, как Чапаев и Ленин, умирают по законам исто-

рии, но они сохраняют своё бессмертие благодаря последней функции триумфа их воли и бессмертности их славы (*Смерть Чапаева; Дедушка Ильич*). По этому поводу надо отметить, что окончательный триумф всегда является коллективным, так как в нём принимают участие не только герои и их сторонники, но и весь народ, который в конце концов сам становится героем (*Сказка о солнце; Дедушка Ильич; Семь братьев*).

На уровне персонажей малое число функций, характеризующих структуру пропагандистской сказки, влечёт за собой уменьшение количества областей действия, согласно Проппу, типичных для волшебной сказки⁴. Таким образом, состав персонажей советской сказки гораздо ограниченнее и уже традиционного. В большинстве случаев действуют герой, покровитель и/или волшебный помощник, противник и предмет поиска. В более сложном сюжете есть и персонаж, отсылающий куда-либо героя, и ложный покровитель. Чаще всего герой – это герой-искатель. Образ героя-жертвы более редок. Иногда одна и та же функция выполняется разными персонажами, действующими вместе, как, например, в случае рабочего и крестьянина в поисках счастья в сказке *Как рабочий и мужик правду искали*; иногда один герой превосходит других по смекалке и смелости, как младший орёл в сказке *Красные орлята*. Типичным для советской сказки образом героя является народ. Обычно в последнем действии народ, обретя сознание своей силы, действует единодушно, чтобы завоевать свободу. Итак, можно заметить, что характерным для пропагандистской сказки персонажем является со-герой, которой появляется, как правило, в последнем действии, когда он действует вместе с главным героем и разделяет с ним триумф. По этому поводу можно упомянуть *Сказку о солнце*, где в последнем действии народ,

4 Основной разницей является отсутствие в советской сказке таких персонажей, как принцесса и её отец. Их функции (т.е. разоблачение, идентификация, наказание второго противника) не выполняются в новой сказке или выполняются в другом виде (трудная задача отменена и брак играет роль триумфа). К тому же ложный герой не входит в состав персонажей сказки пропа-ганды, так как касающееся его действие совершенно отсутствует в этом виде сказки.

верхом на волшебных оленях, следуя за Лениным, пробивается к солнцу и таким образом устраняет изначальное зло.

По поводу области действия покровителя надо отметить, что очень часто в советской сказке элемент чудесного предмета или помощника героя заменяется самосознанием, собственной силой и умением действовать. Относительно различия между помощниками и чудесными предметами Пропп заметил, что сила действует живым существом. Таким образом, живые существа, предметы и силы, с точки зрения морфологии основанные на персонажах, считаются одинаковыми величинами (Пропп 1928). Разумеется, в советской сказке это влечёт за собой то, что классовое самосознание сравнивается с чудесной силой, так как способно положить конец злоупотреблению и построить основу социальной справедливости. Например, в сказках *Как рабочий и мужик правду искали* и *Ключ счастья* помощник открывает героям-искателям важную правду, которая приводит их к осознанию своих сил.

В советской сказке область действия противника очень важна, так как она включает в себя нанесение ущерба, борьбу против героя и его преследование. Обычно противником является злобный помещик, царь, кулак (*Как рабочий и мужик правду искали*) или их аллегорические образы, такие как царский коршун (*Как рабочий и мужик правду искали*), семиглавое чудовище (*Семь братьев*), мороз (*Красные орлята*) и т. д. Роль отсылателя типична для советской сказки, и её часто играет отец героя или представитель старшего поколения. В сказке о советской действительности отсылателем часто является Сталин или совет колхоза. Такая преемственная связь относительно отсылателя и героя укореняется на семантическом уровне, но отражается и на синтагматическом, так как отсылатель первого действия становится героем второго и наоборот. В сказке *Ленин сделал вольной киргизскую степь* замечается двойная последовательность этого вида: народ-герой – жертва первого действия – становится отсылателем героя Ленина во втором; в свою очередь, Ленин станет отсылателем Красной Армии против Колчака в третьем действии. Кроме этих персонажей, пропагандистская сказка часто пользуется другими действующими лицами, которые трудно охарактере-

ризовать определёнными категориями. Это происходит чаще всего в ходе тех историко-биографических отклонений, которые отдаляют читателей от сказочного повествования.

На *семантическом уровне* персонажи характеризуются отсутствием/присутствием определённых семантических признаков. Сравнивая совокупность семантических признаков советской и народной сказки, мы выясняем, что противоречия между героем и противником мотивированы несправедливым разделением признака *свой/чужой*. В контексте советской сказки такой признак необходим для разделения на мир угнетаемых и мир угнетателей. Противник захватывает чужое, и герой делает всё возможное, чтобы снова обладать тем, что ему принадлежало. Стандартизация, присущая советской сказке, повлекла за собой то, что вдоль двух противоположных координат „своего” и „чужого” располагались все персонажи семантического мира. Любое действующее лицо, принимающее участие в несправедливом присвоении „чужого”, сближено с противником по семантическим признакам и, следовательно, попадает во „враждебную” часть семантического мира сказки. Отсылатель, покровитель, помощник и волшебный предмет, так же как и герой, расположены на „своей” стороне, тогда как противник, ложный покровитель и ложный помощник, разумеется, расположены на „чужой” стороне.

Социальным характером борьбы объясняется то, что всякий раз высокопоставленный персонаж ведёт себя как друг, в действительности же он, наоборот, предатель. Например, в сказке *Ключ счастья* человек, одетый в золото и шелка, живущий в золотом дворце с девяносто девятью окнами, хотя вначале и ведёт себя, как друг, на самом же деле – ложный покровитель, который угнетает и бьёт героя. На семантическом уровне объясняется происхождение образа ложного покровителя, являющегося особенностью пропагандистской сказки уже на синтагматическом уровне. Следовательно, противопоставление *низкий/высокий* оказывается очень важным, так как оно касается и индивидуального, и общественного плана.

В индивидуальном плане это противопоставление мотивирует противопоставление *умный/дурак*. Очень часто с точки зрения ума и имущества герой ничего из себя не

представляет. Он крестьянин, рабочий или младший сын в бедной и большой семье. Ему приходится бороться против высокопоставленных людей, таких, как царь, помещики, кулаки (*Как рабочий и мужик правду искали; Орёл и бедный чуваш Эндри*). Когда роль героя играет сам Ленин, подчёркивается и его низкое социальное происхождение, и его необычайные умственные способности: он побеждает смекалкой, умом скорее, чем физической силой. Таким образом ему удаётся без усилия перевернуть очень тяжёлый камень, опираясь на два бревна, или решать трудные загадки (*Ленин сделал людей счастливыми*). Напротив, семантические признаки определяют противника как высокопоставленного, но совсем не умного человека. Он плохой, жестокий и нравственно низкий. Следовательно, герой и противник расположены на противоположных концах семантического мира: герой – социально низкий, но нравственно высокий, противник социально высокий, но нравственно низкий.

Очень часто отрицательные признаки противника дополнены противопоставлением *человеческий/нечеловеческий*. Часто противник изображается то ли чудовищем, то ли зверем (*Орёл и бедный чуваш Эндри; Сказка о солнце; Семь братьев; Богатырь и орёл; Ленин сделал людей счастливыми*), или (когда герой сам изображен в виде животного) злым богом, способным пробуждать враждебные природные стихии (*Красные орлята; От месяца и звезды родился Ленин*). Здесь интересно отметить гибридность некоторых случаев, когда, хоть противник и человек, его описывают, как будто он животное. Так капиталисты называются „серыми воронами” (*Три орлицы*, 19), дезертир – страшным лохматым чудовищем (*Чудесные небесные птицы*), а под аллегорическими образами медведя, волка и лисы прячутся царь, помещик и кулак (*Орёл и бедный чуваш Эндри*).

Наконец, важно отметить, что, в отличие от народной сказки, семантическое противопоставление *открытый/скрытый* очень важно, так как только противник скрывается. Если в народной сказке герой часто действует инкогнито и его подлинная личность открывается только в конце, то в советской – герой, богатырь ли он, как Ленин и Сталин, или простой человек из народа, действует всегда среди бела дня, прямо и открыто. Мотив видоизменения и разобла-

чения героя совершенно чужд советской сказке, где процесс превращения имеет место внутри героя и начинается с осознания своей угнетённости. А противник и ложный помощник скрываются под чужим обликом. Следовательно, признак „скрытый” тоже относится к семантическому миру, противопоставленному герою.

Если мы хотим разделить советскую сказку на *типы* и подвести несколько итогов, прежде всего следует отметить обязательное различие между сказками, рассказывающими о революционных переменах, и теми, которые описывают социалистическую действительность. В первых исходят из существования зла, угнетения, и посредством действий героя приходят к борьбе против угнетателей, к их устранению и, следовательно, к триумфу героя (*Как рабочий и мужик правду искали; Смерть Чапаева; Красные орлята; Орёл и бедный чуваш Эндри; Дедушка Ильич; Сказка о солнце; Ключ счастья; Семь братьев; Два героя богатыря; Богатырь и орёл*). В других, наоборот, действие начинается с идеального положения, и в них зло или нужда выявляются в очень слабом виде. В этих случаях герои, довольные своим положением и защищённые советской властью, не желают ничего другого, как удовлетворять свои личные желания или любопытство. Например, колхозники вдруг выражают желание побывать в Москве, особенно в мавзолее Ленина (*Как мужичок в Москве побывал*), или узнать, что самое дорогое на свете (*Самое дорогое*).

Разумеется, в таком типе сказки семантический мир противника ограничен или просто не существует (*Три орлицы; Как охотник Фёдор японцев прогнал; Чудесные небесные птицы; Крылатые подруги*). Эти сказки более других отличаются от традиционной типологии, где столкновение между добром и злом является основным моментом повествовательной структуры. Применяя к советской сказке типологию, разработанную Мелетинским (Мелетинский и др. 1969), можно отметить, что в большинстве случаев она является сказкой о поисках предмета вне самого героя. Но ни в коем случае предметом поисков не является невеста, что очень распространено в народной сказке. Часто предметом поисков является либо абстрактная ценность: правда, справедливость и счастье,

либо символический, магический элемент. Относительно цели героя можно добавить, что он редко действует в своих собственных интересах, и даже если это случается и он добивается желаемого, это всё равно идёт на пользу всему обществу. Кроме того, надо отметить, что столкновение не носит семейного или мифического характера, как в народной сказке, а, скорее, носит характер социальный. Итак, эти сказки легко сближаются с группой „героических сказок в виде *квест*”, хотя для них характерно реалистическое, а не мифическое повествование. Можно ещё добавить, что семантика сюжетов советской сказки прямо противоречит принципам сказочного диахронного развития, разработанным Мелетинским. Он заявляет, что развитие, ведущее от мифа к сказке влечёт за собой демификацию основного столкновения, выдвигание семейного принципа, ограничение перспективы коллективизма и развитие интереса к личной судьбе, кроме того, к награде необеспеченным (Мелетинский и др. 1969). А в советской сказке и семейная ценность, и интерес к личной судьбе остаются на втором плане, тогда как вознаграждение социально необеспеченных и мифическое описание столкновения важны только в свете общественной коллективной перспективы. Таким образом, советская сказка, разработанная с целью пропаганды на основе народной сказки, отходит от неё и идёт в направлении, обратном развитию, ведущему от мифа к сказке.

На *повествовательном уровне* можно сделать другие важные замечания. Типичная для волшебной сказки исходная формула звучит так: „В некотором царстве, в некотором государстве жили-были...” Таким образом сказитель устанавливает контакт со слушателем и подчёркивает неопределённость пространства и времени, в котором происходят действия. Обычно они происходят вне времени, в волшебных местах, где единственными определёнными элементами являются те, которые противопоставляют своё пространство чужому. Народной сказке совершенно не свойственны географические и хронологические определения.

Анализ вступительной формулы советских сказок раскрывает некоторые основные различия между новой сказкой и народной. Действительно, благодаря пространственно-временной определённости этой формулы, сказителю удаётся

ся передать читателю/слушателю особенность рассказываемого.

Разные вступительные формулы, употребляемые советскими сказителями, легко делятся на две категории. Одна включает в себя сказки, где действие происходит в странах реализованного социализма, другая – сказки, рассказывающие о событиях, имевших место при царе и приведших к его свержению⁵.

Ясна попытка перенести рассказываемое в пространственно-временную определённую обстановку, которая является характерной для советской волшебной сказки. Много раз на протяжении повествования обновляется непосредственный контакт между сказителем и слушателем, так как первый прямо обращается ко второму то со своими замечаниями и риторическими вопросами, то вводя в повествование притяжательные местоимения и элементы, благодаря которым волшебное повествование приближает к современному слушателю действие сказки.

Кроме вводных формул, очень часто в развязке сказитель обращается к слушателю с увещаниями всегда следовать учению Ленина. Вот некоторые примеры этого приёма: „С тех пор и пошла ленинская правда. И уж который год идёт она, и мы должны за правду держаться всегда, и не погибнем никогда!” (*Как рабочий и мужик правду искали*, 8); „Началась жизнь новая, счастливо-благополучная” (*Ключ счастья*). Иногда сказитель задаёт настоящие риторические

5 Первые более многочисленны, особенно среди сказок известных сказителей, таких как Ковалёв, Магай, Сказкин. Они употребляют следующие формулы: „в некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живём” (*Самое дорогое*, 305); „в нашем славном и непобедимом государстве, в прекрасном столичном городе Москве” (*Три орлицы*, 17); „На дальнем востоке, близ границы” (*Как охотник Фёдор японцев прогнал*, 283); „Случилось это ещё в то время, когда колхозы только становились. В одном колхозе жил-был...” (*Как мужичок колхозничек в Москве побывал*, 35). Примеры второго вида формул следующие: „Бывали времена, когда солнце не озаряло землю, не было лета и зелень не украшала ни склонов гор, ни долин. В те времена за Байкалом-морем...” (*Ключ счастья*); „В недалёкой стране, да в нашей русской стороне жили-были люди на земле” (*Дедушка Ильич*, 1); „В нашем Зангезуре жил-был старец” (*Семь братьев*, 239).

вопросы: „Вы думаете он умер?“ (*Ленин ищет людское счастье*, 56); „Слушайте, слушайте, узбеки: его – человека, освободителя – зовут Ленин...“ (*От месяца и звезды родился Ленин*, 69). Ясно, что сказитель советской сказки пытается обновить силу воздействия на слушателя именно тогда, когда идеологическое значение рассказываемого выходит на поверхность. Наряду с вышеупомянутыми приёмами на других уровнях этот приём тоже вносит вклад в процесс идеологизации сказки.

Употребляются также традиционные формулы без какого-либо изменения, как, например, „долго ли, коротко ли мчались“ (*Сказка о солнце*); „не по дням, а по часам“ (*Два могучих орла*, 36); „скоро сказка сказывается, а шагами как тяжело!“ (*Как рабочий и мужик правду искали*, 7); „С неба упало три яблока: одно тому, кто явился причиной сказки, другое тому, кто слушал, а третье тому, кто рассказывал“ (*Семь братьев*, 241). Безусловно, эти формулы укрепляют непрерывность между традицией и новаторством, придают волшебный характер действительно происшедшим событиям, будучи ещё живыми в памяти слушателей.

Кроме как в завязке и развязке, сказитель может откровенно выступать и в центральной части текста, особенно, чтобы дать слушателю дополнительные сведения, которых сам герой не знает. Таким образом устанавливается соучастие между сказителем – поручителем рассказываемого и, следовательно, его идеологией – и читателем. Эта связь не касается персонажей сказки, которые, разумеется, расположены на другом плане. Этот приём виден, например, когда, говоря о Ленине, сказитель добавляет в скобках „а никто не знал, кто он такой“ (*Как рабочий и мужик правду искали*, 8); или когда, говоря об одном заводе, он уточняет „... (Буховский завод)...“ (*Как рабочий и мужик правду искали*, 8); или когда сказитель открывает читателю аллегорические значения сказки словами „Так бедный чуваш Эндри, убив медведя-царя, волка-помещика, и лису-кулака, нашёл, наконец, свое счастье. А имя орла, который показал дорогу бедному чувашу, – Сталин.“ (*Орёл и бедный чуваш Эндри*, 149).

Надо отметить, что все эти уточнения помогают определить временно-пространственную обстановку сказки, без которой цель пропаганды не осуществилась бы.

Преобладающая роль, которую исторические персонажи играют во всех жанрах, приводит нас к убеждению, что сказки сочинены с целью способствовать процессу *мифизации* советского героя. В большинстве проанализированных текстов, где главную роль играют Ленин и Сталин, исполняемые ими функции подобны тем, которые выполняют герои народной сказки, но с некоторыми отличиями. Например, в советских сказках, гармония между обстоятельствами и героем достигается не в результате процесса перевоплощения героя, а, наоборот, сам герой, остающийся прежним или просто развивающий свои внутренние скрытые способности, изменяет обстоятельства. В этом смысле образы Ленина и Сталина легко сравнимы с культурными героями, т.е. основателями новой культуры, и с персонажами мифических рассказов о богах. Типичный для этих рассказов сюжет предусматривает, что герой, будь он божественного происхождения или нет, появляется в мире, становится человеком, но не смешивается с окружающей средой и, после того как он в значительной мере изменил её, возвращается в другой мир.

К тому же, в отличие от героя народной сказки, на изображение характера Ленина и Сталина влияет и историческая действительность. Например, историческая действительность может влиять на выбор мотивов, черт и действий героя, обычно воплощённого в образах Ленина и Сталина. Таким образом, элементами, определяющими типологию героя советской сказки, являются и фольклорно-мифологические традиции, и историко-биографические явления. Образ Ленина, например, воспроизводит гибридность и внешнее противоречие, свойственное герою традиционной сказки. Иногда он напоминает богатыря необычайной силы, который преодолевает всякие трудности, вырывает с корнем дубы, разрушает горы и, наконец, добивается цели на благо всему народу. Таким образом, Ленин сравним с богатырями русского народного эпоса Алёшей Поповичем и Ильёй Муромцем, которые стали символом всей нации. К этому типу героя принадлежит герой сказки *Богатырь и орёл*, подвиги которого описаны так: „Наконец, он прошёл эту нору и увидел дуб, такой толстый, прекрепкий. Стал он брать камни в руки и бить по корням этого дуба. Перебил все коренья, изорвал все свои руки, не чувствуя боли, так

как он подходил близко к цели. Со страшным грохотом сваливается этот дуб на землю, а там, оказывается, под дубом стоит ларец, крепко окованный железом. С новой силою берет камни и разбивает ларец. Разбив ларец, он открыл его и увидел, что лежит огромных размеров книга” (*Богатырь и орёл*, 303). Иногда он скорее напоминает простого героя из народа, лишённого физической силы, который добивается своей цели благодаря смекалке, уму или своей магической силе. В сказке *От месяца и звезды родился Ленин* его описывают следующим образом: „И тогда пришёл человек. Он был одет, как дехкан, у него были мозолистые руки, руки дехкана, и в руках у него был хлеб. У человека не было никакого оружия, у него был только хлеб. И с одним хлебом он пошёл...” (*От месяца и звезды родился Ленин*, 68).

Такой типологический гибризм отсутствует в образе Сталина, которому из-за его внушительного вида не свойственны черты низкого героя. Он всегда описывается то как высокий и могучий богатырь чрезвычайной силы и ума, то как опытный политический вождь во главе советской страны. В сказке *Три орлицы* вождь представляется следующим образом: „В нашем славном и непобедимом государстве, в прекрасном столичном городе Москве, в беломраморном Кремлёвском дворце жил мудрый и могучий вождь народа – Иосиф Виссарионович Сталин. По завету великого Ленина научил он людей в государстве нашем, советском, жизнь перестроить по-новому, что ни в сказке сказать ни пером описать – везде красота неописанная. Он правой рукой поведёт – новый прекрасный город вырастает, а левой поведёт – фабрики и заводы встают, по воле его быстрые реки и каналы текут, и по ним красивые пароходы плывут. Он кверху поглядит – богатырский воздушный флот полетит, а вниз поглядит – под землей в тоннелях золотой поезд помчит.” (*Три орлицы*, 17).

По этому поводу надо отметить, что сказки о революционных переменах обычно изображают богатырей как героев, наделённых сверхъестественной силой, тогда как сказки о постреволюционной действительности подчёркивают необычайные человеческие качества вождей революции.

Для образа Ленина типичен мотив его божественной миссии. В восточных легендах Ленин часто играет роль избран-

ника и ученика Аллаха, и его чрезвычайная сила и ум происходят от бога (*Ленин ищет людское счастье; Ленин сделал людей счастливыми; Ленин сделал вольной киргизскую степь; От месяца и звезды родился Ленин*). Когда его изображают главой советской страны, напротив, подчёркивается не его божественное происхождение, а его способности в политических делах и более всего – его личные качества, такие, как чувствительность, готовность разговаривать со всеми, высокая работоспособность и самозабвение в делах, сильное патриотическое чувство, благодаря которым он непрерывно работает для защиты и благополучия государства (*Как Марья с Иваном сравнялась; Случай с Ильичом на охоте; Скоро проснётся Ильич*).

Таким образом, Ленин и Сталин одинаково представляются фольклорным типом богатыря; следовательно, обоим подходят некоторые мотивы, характерные для этого образа, такие как, например, мотив чудесного рождения и магических сил. И тем не менее, советскому фольклору не свойствен многообразный выбор чудес, сопровождающих мотив рождения в традиционных сказках. Самые распространённые варианты – рождение от месяца и звезды (*От месяца и звезды родился Ленин*), от матери-земли или от Великана-горы (*Два могучих орла*). Во всех этих случаях мотив чудесного рождения прямо связан с появлением на земле героя-освободителя, пришедшего отомстить за бедность или угнетение, и с мотивом чудесного роста, по традиционной фольклорной схеме.

Образ Ленина в советской сказке гораздо сложнее, чем образ Сталина и, следовательно, в нём можно выделить и другие фольклорные элементы. Например, мотив волшебного дерева на могиле присутствует в развязке некоторых сказок о Ленине, прежде всего в сказке Ковалёва *Два героя богатыря* (16), которая заканчивается так: „Гроб засыпали разноцветными цветами, обложили венками. А один алый цветок упал и прирос на его груди, он цветет и цвести будет вечно.” В сказке *Красные орлята* предметом поисков, символом счастья советского государства является алый цветок, захваченный страшным чудовищем. Такой мотив напоминает фольклорно-мифический цикл об „Амуре и Психее” и многочисленные народные сказки о поисках алого цветка, таких как *Финист – ясный сокол* и *Аленький*

цветочек. В этих текстах цветок, вожделенный младшей дочерью, является символом всей красоты мира и самого большого счастья на свете. Надо подчеркнуть, что в советской сказке цветок является символом основания советского государства.

Подводя итоги, надо отметить, что в советской сказке на каждом уровне разрабатывается стилизация и, следовательно, абстракция фольклорных мотивов, чтобы способствовать идеологизации содержания и переходу от поэтической условности к политической. Исходя из определённых реалистических или символических положений, сказка развивается от частного к общему, от исторически и географически определённого к универсальности борьбы во имя блага всего мира. Глубокая семантическая структура основана на человеческой мечте о построении бесклассового общества. Эта цель достигается поисками и, следовательно, борьбой со всякими трудностями. Как герой русской народной сказки борется против противника и преодолевает трудности, чтобы добиться своей цели, русский крестьянин или рабочий должен бороться против капиталиста, чтобы добиться бесклассового общества на благо всему миру.

В этом смысле, нам кажется, есть много общего между образцами семантических персонажей в свете марксистской идеологии и образцами, характерными для советской сказки. Следовательно, можно прийти к заключению, что, как правило, советским сказкам присуща марксистская идеология. Последняя предусматривает в роли субъекта – человека; в роли объекта – бесклассовое общество; в роли отправителя – историю; в роли адресата – человечество; в роли противника – средний класс; в роли помощника – пролетариат. Параллелизм ясен. Единственным исключением является роль отправителя, порученная истории. Но, учитывая марксистское материалистическое мировоззрение, согласно которому история создаётся людьми в их отношениях с окружающей средой, нельзя не заметить основной общности этих двух образов.

Такое заключение абсолютно подтверждает исследовательскую гипотезу, на которой основана эта работа, т.е. что традиционные сказочные модели приспособлялись к определённой априори идеологической и пропагандистской

схеме, где совершенная замкнутость языка обусловлена тем, что „ценность передана как выяснение другой ценности” (Barthes 1982: 19).

СПИСОК ПРОАНАЛИЗИРОВАННЫХ СКАЗОК

Богатырь и орёл, в: Сороковников-Магай, Е.И., *Сказки и предания Магая*, Бурятское Книжное издательство, Улан-Удэ 1968: 300-304.

Дедушка Ильич, „Костёр”, 1940: IV: 1.

Два героя богатыря, в: Ковалёв, И.Ф., *Сказки Ковалёва*, Горьковское книжное издательство, Горький 1953: 12-16.

Два могучих орла, в: *Новая Сибирь. Литературно-художественный альманах*, 1940: 36-37.

Как Марья с Иваном сравнилась, в: *Народное творчество*, 1938: VIII: 15.

Как мужичок в Москве побывал, в: Комовская, Н.Д. (ред.), *Сказки Сказкина*, Горьковское областное государственное издательство, Горький 1952: 35-39.

Как охотник Фёдор японцев прогнал, в: Сороковников-Магай, Е.И., *Сказки и предания Магая*, Бурятское Книжное издательство, Улан-Удэ 1968: 283-286.

Как рабочий и мужик правду искали, в: Чистов В. (сост.), *Народное творчество Карело-Финской ССР*, Петрозаводск 1940: 6-8.

Как радость пришла, „Магаданская правда”, 21.7.1956(169).

Ключ счастья, в: *Новая Сибирь. Литературно-художественный альманах*, 1940.

Slavica tergestina 2 (1994)

Красные орлята, в: Чистов В. (сост.), *Народное творчество Карело-Финской ССР*, Петрозаводск 1940: 172-175.

Крылатые подруги, в: Сороковников-Магай, Е.И., *Сказки и предания Магая*, Бурятское Книжное издательство, Улан-Удэ 1968: 295-299.

Ленин ищет людское счастье, в: Пясковский, А.В., *Ленин в русской народной сказке и восточной легенде*, Молодая Гвардия, М. 1930: 55-56.

Ленин на каменном столбе, в: Пясковский, А.В., *Ленин в русской народной сказке и восточной легенде*, Молодая Гвардия, М. 1930: 33-35.

Ленин сделал людей счастливыми, в: Пясковский, А.В., *Ленин в русской народной сказке и восточной легенде*, Молодая Гвардия, М. 1930: 51-54.

Ленин сделал вольной киргизскую степь, в: Пясковский, А.В., *Ленин в русской народной сказке и восточной легенде*, Молодая Гвардия, М. 1930: 61-65.

Ленинский источник, в: Сороковников-Магай, Е.И., *Сказки и предания Магая*, Бурятское Книжное издательство, Улан-Удэ 1968: 309-312.

Наше солнце, „Колхозник”, 1939: II: 31-32.

Нужда и мужик, в: Комовская, Н.Д. (ред.), *Сказки Сказкина*, Горьковское областное государственное издательство, Горький 1952: 40-43.

О нарте садовнике, скромном Салмане и коварном Яммае, в: *Дружба народа. Альманах художественной литературы народов СССР*, 1940: IV: 237-238.

Об Иване несчастном, ставшем счастливым, в: Ковалёв, И.Ф., *Сказки Ковалёва*, Горьковское книжное издательство, Горький 1953: 20-25.

Орёл и бедный чуваш Эндри, в: Березов (сост.), Сурков А. – Щипачёв, А.С. (ред.), *Ленин и Сталин в творчестве народов СССР*, Советский писатель, М. 1938: 148-149.

От месяца и звезды родился Ленин, в: Пяковский, А.В., *Ленин в русской народной сказке и восточной легенде*, Молодая Гвардия, М. 1930: 68-69.

Рыбак Василий и его семья, в: Сороковников-Магай, Е.И., *Сказки и предания Магая*, Бурятское Книжное издательство, Улан-Удэ 1968: 313-315.

Самое дорогое, в: Березов (сост.), Сурков А. – Щипачёв, А.С. (ред.), *Ленин и Сталин в творчестве народов СССР*, Советский писатель, М. 1938: 305-308.

Семь братьев, в: *Дружба народа. Альманах художественной литературы народов СССР*, 1940: IV: 239-241.

Сказка о солнце, „Правда”, 23.4.1940.

Сказка о старом Туте и Сталине, в: *Ленин и Сталин в творчестве народов СССР*, Воениздат, М. 1939: 123-127.

Скоро проснётся Ильич, в: Пяковский, А.В., *Ленин в русской народной сказке и восточной легенде*, Молодая Гвардия, М. 1930: 40-43.

Случай с Ильичом на охоте, в: Пяковский, А.В., *Ленин в русской народной сказке и восточной легенде*, Молодая Гвардия, М. 1930: 28-32.

Смерть Чапаева, в: Чистов В. (сост.), *Народное творчество Карело-Финской ССР*, Петрозаводск 1940: 79-82.

Солнце народов, „Костёр”, М. 1957: IV: 17.

Три орлицы, в: Ковалёв, И.Ф., *Сказки Ковалёва*, Горьковское книжное издательство, Горький 1953: 17-19.

Человек-солнце, „Наша страна”, 1937: VII: 23-25.

Slavica tergestina 2 (1994)

Чудесные небесные птицы, в: Сороковников-Магай, Е.И., *Сказки и предания Магая*, Бурятское Книжное издательство, Улан-Удэ 1968: 287-294.

ЛИТЕРАТУРА

Мелетинский, Е.М., Неклюдов, С.Ю., Новик, Е.С., Сегал, Д.М.
1969 *Проблемы структурного описания волшебной сказки*, „Учёные записки Тартуского гос. университета”, Труды по знаковым системам, Тарту 1969(236): IV: 86-135.

Пропп, В.Я.
1928 *Морфология сказки*, Л. 1928.

Barthes, R.
1982 *Il grado zero della scrittura*, Torino 1982.

ABSTRACT

The term “Soviet folk tale” refers to a specific folk genre that developed in the Soviet Union on the basis of the centuries-old traditions of the Russian folk tale: it was an attempt to use an existing cultural model for ideological and political purposes.

The typological-structural study of the analogies and differences between the poetic features of the traditional folk tale and the Soviet folk tale at a number of levels (sintagmatic semantic narrative, typological and verb-subject) and in a number of genres (magic realistic and allegorical) leads to the identification of methods and procedures necessary for the mythification of reality and of the Soviet hero.